Исаев Андрей Анатольевич

СУДЬБА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ Н. А. БЕРДЯЕВА СО СВОИМИ СОВРЕМЕННИКАМИ НА СТРАНИЦАХ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОГО ЖУРНАЛА "ПУТЬ"

В статье проанализирована дискуссия Н. А. Бердяева со своими современниками по самым больным, животрепещущим вопросам о будущем России, волнующим эмигрантов. Особое внимание уделено осознанию места и роли монархии в истории Российского государства и ее взаимоотношениях с православной Церковью. Затрагивается вопрос об отношении к русской революции и большевизму. Темы полемики актуальны и для нашего времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/4/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(78) С. 88-91. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 103.2
Философские науки

В статье проанализирована дискуссия Н. А. Бердяева со своими современниками по самым больным, животрепещущим вопросам о будущем России, волнующим эмигрантов. Особое внимание уделено осознанию места и роли монархии в истории Российского государства и ее взаимоотношениях с православной Церковью. Затрагивается вопрос об отношении к русской революции и большевизму. Темы полемики актуальны и для нашего времени.

Ключевые слова и фразы: монархия; большевизм; русская революция; правые монархисты; Церковь, духовность.

Исаев Андрей Анатольевич, к. филос. н., доцент
Уфимский юридический институт МВД России
andisaev@mail.ru

СУДЬБА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ Н. А. БЕРДЯЕВА СО СВОИМИ СОВРЕМЕННИКАМИ НА СТРАНИЦАХ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОГО ЖУРНАЛА «ПУТЬ»

Интерес к творческому наследию Н. А. Бердяева не ослабевает [1]. Открытость и доступность его работ сегодня открывает «второе дыхание» в их осмыслении, или, если выразиться более точно, предполагает их «второе чтение».

О дискуссионном характере взглядов и идей Н. А. Бердяева свидетельствует непрекращающаяся полемика с современными ему авторами на страницах философско-религиозного журнала «Путь», печатавшегося в Париже с 1925 по 1940 годы под его редакцией. Именно о его роли и большом значении в своей духовной жизни вспоминает с таким уважением П. П. Гайденко: «В этом журнале я нашла ответы на те больные вопросы, которые мучили многих из нас: журнал “Путь” оказался для меня больше чем университетом» [4, с. 301]. В своей вступительной статье к книге 1 (I-VI) репринтного переиздания данного журнала А. И. Абрамов пишет: «Главной составляющей успеха журнала можно считать очень удачный выбор редактора. Только пронзительное обаяние личности Н. А. Бердяева смогло объединить русских сотрудников журнала и привлечь к работе выдающихся представителей французской философской культуры» [5, с. 4]. В № 1 от сентября 1925 года Бердяев пишет статью «Евразийцы», которая находит отклик уже в № 2 от января 1926 года в ответе на нее Л. П. Карсавина [Там же, с. 239-241]. И хотя автор ответа называет вышеупомянутую статью «попыткой добросовестно и непредвзято подойти к евразийской идеологии по существу», а сам подход Н. А. Бердяева к данной проблеме называет «благожелательно-вдумчивым», все же стиль ответа достаточно критичен и прямо указывает на ошибки автора статьи. В № 3 от марта-апреля 1926 года помещено письмо монархиста А. Петрова [Там же, с. 369-373], в котором он напрямую обращается к «господину редактору». Целью письма, как пишет его автор, является «желание выяснить некоторые недоумения, в связи с мыслями, высказанными проф. Н. А. Бердяевым в его статье “Царство Божие и царство кесаря”» (статья была опубликована в № 1 журнала «Путь»). Петров начинает свои выяснения с редакционного вступления к первому номеру журнала «Духовные задачи русской эмиграции». Хотя эта статья написана от редакции, автором ее, по всей видимости, как считает А. И. Абрамов, является сам Бердяев: «Об этом говорит и тон, и стиль программного заявления…» [Там же, с. 4]. На это же намекает монархист Петров, переходя от редакционного вступления к разбору статьи «Царство Божие и царство кесаря». Обвинения в адрес русских монархистов со стороны Бердяева автор письма называет «незаслуженными, несправедливыми и даже иногда оскорбительными», а саму статью «…блестящей по изложению, как все писания автора, но скрывающей в себе отравленные ядом, привнесенным откуда-то со стороны, с той стороны церковной ограды мысли» [Там же, с. 370]. В этом же номере журнала редактор отвечает на письмо монархиста [Там же, с. 374-377]. Бердяев уважительно относится к его автору: «Я отвечаю на письмо А. Петрова потому, что оно написано искренне и обнаруживает подлинную веру» [Там же, с. 374]. Однако вежливый тон ответа не отменяет его резкой критичности в отношении русского зарубежного монархизма, который, по глубокому убеждению Бердяева, «представляет большие опасности для Церкви и готовит ей новые формы порабощения». Автор ответа делает вывод, что в России никогда не было независимого, общественного монархизма, он был лишь казенным направлением: «И когда настал страшный час падения монархии, монархисты ничего не сделали для ее поддержания, у них не оказалось благородного, рыцарского духа. Благородство было проявлено лишь последним русским монархом, но не монархистами. Монархисты не выстрадали себе право кричать о монархии в заграничных русских колониях» [Там же, с. 376]. Очень важно, на наш взгляд, разъяснение «одного недоразумения», как выражается сам Бердяев, которое он приводит далее в своем ответе. Его обвиняют в проповедовании пассивного претерпевания зла, в прекращении борьбы с большевизмом. На это он отвечает, что отрицает не саму борьбу, а те методы, которые популярны у правой части русской эмиграции. Он предлагает бороться более реальными методами и поясняет свою позицию: «Действительная же реальная борьба с большевизмом есть прежде всего духовная борьба, которая возможна для каждого из нас в каждое мгновение нашей жизни и которую завещала нам христианская вера» [Там же, с. 377]. Русский философ не отрицает борьбы со злом насилием и при этом замечает: «Но бывает насильственная борьба со злом, которая есть не меньшее зло, чем то, против которого она борется. Мир захлебнулся в крови, слишком многие считают возможным убивать своих идейных противников, и необходимо духовно бороться против кровавого бреда» [Там же].

Эта полемика с монархистами продолжается и на страницах следующего четвертого номера «Пути». Однако прежде чем мы обратимся к ней, хотелось бы остановиться на последней цитате Бердяева. Дело в том, что в этом же четвертом номере он пишет статью о книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою», названную им «Кошмар злого добра». Смысл всей статьи заключен в первых словах автора: «Мне редко приходилось читать столь кошмарную и мучительную книгу, как книга И. Ильина “О сопротивлении злу силою”. Книга эта способна внушить настоящее отвращение к “добру”, она создает атмосферу духовного удушья, ввергает в застенок моральной инквизиции» [Там же, с. 462]. Подробный анализ данной статьи – отдельный предмет исследования. Нас же в контексте наших размышлений о Бердяеве интересует его непримиримость ко всему тому, что противоречит его духовным убеждениям. Он обвиняет Ильина в злоупотреблении христианством, православием, евангелием, а его взгляды на государство, на человека и на свободу называет совершенно нехристианскими и антихристианскими. «Книга его – самая безблагодатная из книг, в ней нет ни одного благодатного Божьего луча» [Там же, с. 469]. В конце статьи Бердяев делает вывод, быть может, очень резкий, но, на наш взгляд, вполне обоснованный анализом взглядов автора рецензируемой книги: «…Ильин – не русский мыслитель, чуждый лучшим традициям нашей национальной мысли, чужой человек, иностранец, немец… И. Ильин – националист в нормативном смысле, но он не национален в онтологическом смысле слова. Национализм его вполне интернационалистический» [Там же, с. 471]. Конечно, нам сегодня сложно воспринять такое отношение к творческому наследию Ивана Ильина. Достаточно привести пример противоположного отношения к нему в некоторых работах, опубликованных только в текущем году [2; 3].

Вернемся к полемике с монархистами. В нее вступает князь Григорий Трубецкой, который так и называет свою статью – «Спор о монархии». Он пишет: «…взгляды, высказанные Н. А. Бердяевым, содержат такое решительное осуждение монархизма, что со своей стороны, как убежденный русский монархист, я не считаю возможным обойти их молчанием» [5, с. 518]. По ходу статьи князь обвиняет Бердяева в том, что он «впадает в политику, которая диктуется не доводами разума, а настроениями», что говорит о монархии и монархистах с чувством раздражения, что его обобщения и оценки «носят явно спешный характер». Здесь он, кстати, приводит в пример утверждение Бердяева, уже упоминавшееся нами выше, об отсутствии в России независимого, идейного монархизма. В противовес ему Трубецкой приводит целую плеяду русских мыслителей и писателей, которые, по его мнению, и были представителями этого монархизма. В этом же номере журнала, в своем «Дневнике философа», Н. А. Бердяев отвечает Трубецкому. Свой ответ он начинает с размышлений об обстоятельствах, которые затрудняют свободу мышления, парализуют охоту к творчеству и обсуждению вопросов по существу. Они вызваны, по мнению русского философа, эмоциональной реакцией на большевистскую революцию, а потому всякая мысль оценивается не по ее истинности или ложности, а только лишь с утилитарной точки зрения: приносит ли эта мысль выгоду в борьбе против большевизма и против революции. И эта тенденция в среде русской эмиграции тревожит Бердяева. А потому он провозглашает, что эмиграция должна открыто и свободно утверждать правду. Именно статья Трубецкого, как пишет далее Бердяев, вызвала у него эти мысли. Ведь князь в ней не оценивает мысли оппонента как истинные или ложные, а называет их неосторожными и вредными. А для автора ответа принципиально важно заявить, что если он убежден в истинности или правдивости своего положения, то он будет его высказывать, «даже если сам дьявол им воспользуется» (на наш взгляд довольно эмоциональное заявление, тем более для религиозного христианского мыслителя). Принципиально не согласен Бердяев с монархистами в вопросе о роли дореволюционной монархии в России. Он полагает, что необходимо говорить о грехах и лжи старого дореволюционного строя, в то время как его оппоненты считают, что это только на руку большевизму и революции. Это помогает ее оправдать и принять. Однако Бердяев, наоборот, утверждает, что идеализация дореволюционного строя мешает победить большевизм. А потому он однозначен в своем выводе, что большевизм будет преодолен лишь пореволюционной, а не дореволюционной волей. Уже в который раз Бердяев доказывает, что он не является противником монархии всегда и везде, что он нисколько не сомневается в огромном положительном значении монархии в русской истории, что отнюдь не считает себя апологетом и идеологом демократии и республики, но для него принципиально важным является вопрос об отношении монархии и Церкви. Именно в этом вопросе он не видит никаких причин скрывать правду об угнетении Церкви в русской православной монархии. Это одна из причин трагедии русской монархии, наступившей революции: «Вся русская православно-религиозная мысль XIX века есть вопль об унижении и угнетении Церкви. И вот за это унижение и подавление Церкви мы и терпим заслуженную кару» [Там же, с. 522]. Но вот парадокс! Революция не унижает Церкви. Она гонит и преследует всех, кто имеет отношение к ней. Эти унижения и преследования возвышают, а не унижают. Расстрелянные епископы и священники становятся мучениками за веру. Православная монархия унижала Церковь, делая ее своим орудием. Точно так же советская власть унижает живоцерковников, делая их доносчиками. Потому Бердяев заявляет: «Монархия в старом смысле стала в наши дни утопией» [Там же, с. 523]. Но автор «Дневника философа» верит, что наступает новая мировая историческая эпоха, в которой «будет обращение к подлинному реализму духовной и социальной жизни», которая «выработает формы общества, непривычные для мышления нового времени».

В этом ответе Трубецкому Бердяев опять возвращается к вопросу о существовании в России свободного, независимого монархического общественного мнения. Он признает, что в стране были значительные писатели и мыслители, которые были монархистами по своим убеждениям и свободны в своем мышлении, но это не было единым цельным движением или течением. Тем более что эти мыслители-монархисты находились в оппозиции исторической власти и были на подозрении. К 1917 году в России не оказалось сил, способных защитить монархию. Более того, даже среди консерваторов витала мысль о цареубийстве. «Монархия не была у нас даже свергнута, она сама пала от разложения, от потери веры в нее. И это очень трагично» [Там же, с. 524], – с сожалением констатирует русский философ.

Мы уже так или иначе затрагивали отношение Н. А. Бердяева к русской революции в контексте интересующей нас полемики. Но поскольку сам автор «Дневника философа» конкретно останавливается на анализе этого явления русской истории, мы позволим себе пойти за его мыслью. Не соглашаясь с правыми монархистами, которые не хотят признать неотвратимость и неотменимость факта революции (напомним, что шел уже 1926 год), Бердяев признает революцию свершившейся, что еще раз доказывает реализм его взглядов. Да, он не видит в ней ничего хорошего, он не любит ее, она для него отвратительна и ужасна, но это факт тяжкой расплаты. Однако это не уныние пессимиста, это взгляд в будущее оптимиста. Его оптимистичность выражается в анализе троякого отношения к русской революции. После весенней революции 1917 года ее идеализировали, считали прекрасной и освобождающей. После осенней революции 1917 года она стала абсолютным злом и прекрасной стала жизнь до революции. В длительный период Гражданской войны даже сложилось впечатление, что «революцию можно прикончить кавалерийской дивизией», оно и господствует до сих пор в эмиграции. Но возможно, по мнению Бердяева, и третье отношение (в нем и заключен оптимизм русского мыслителя). Только в нем он видит будущее. Революция дает огромный трагический опыт. После него начинается новая жизнь. И эта новая жизнь создается не старыми силами, а новыми – творческими, которые опираются на этот опыт. В заключение своего ответа Трубецкому его автор называет себя «диким», то есть независимым и свободным от всех существующих направлений и партий, и оставляет за собой право говорить правду, какой бы неприятной она ни была для противоположных лагерей. В этом он видит свою личную миссию и задачу редактируемого им журнала «Путь». Примечателен в этой связи тот факт, что в следующем № 5 журнала опубликована статья его редактора «Церковная смута и свобода совести», которая сопровождается следующим примечанием: «Ответственность за статью эту, хотя и принадлежащую перу редактора, падает на ее автора и не распространяется на журнал “Путь” в его целом и на ближайший круг его сотрудников. Редакция» [Там же, с. 570]. Это явно свидетельствует о непростых, а порой и бескомпромиссных взаимоотношениях редактора журнала с другими ближайшими его сотрудниками.

Именно один из таких сотрудников продолжает полемику с Бердяевым на страницах № 6 «Пути». Николай Арсеньев пишет свои соображения «по поводу последних статей Н. А. Бердяева» (как он их обозначает в подзаголовке) и называет их «О духе времени и понимании его» [Там же, с. 727-728]. Сразу следует отметить, что они написаны с большим уважением к редактору. Но кто знает, может это уважение и подвигло Арсеньева высказать свое несогласие с некоторыми утверждениями автора статей. В восторженных тонах описывает он набросок Бердяева «Новое Средневековье», предварительно замечая, что его автору дано «пытливое устремление в глубь исторического движения» и проникновение в «религиозный смысл совершающихся исторических событий и переломов». Далее Арсеньев сам себя спрашивает: не слишком ли автор «Нового Средневековья» идеализирует новую историческую эпоху, новый «дух времени»? Однако все же признает, что попытка характеристики этой эпохи интересна и значительна. Несмотря на положительную характеристику в целом провидений Бердяева относительно современной эпохи, Николай Арсеньев встает на защиту «многих из тех, именно из русской среды, кто захвачен этими веяниями внутреннего духовного возрождения» [Там же, с. 727]. Бердяев неоднократно высказывал мысль, что в России отсутствовал институт рыцарства с его возвышенным идеализмом. По мнению Арсеньева, у России появилось новое рыцарство, как он его называет. Оно прошло «через подвиг добровольного служения Родине, добровольной борьбы за нее». Однако Бердяев закрывает глаза на это, он не хочет видеть этих людей, отметает их. «Я не хочу этих людей, я не хочу русское национальное движение односторонне идеализировать… Но Н. А. Бердяев просто его не понимает, не понимает одухотворяющей его силы. Более того, Н. А. Бердяев находит термин, который он прилагает ко всем представителям русского национального движения – “правые монархисты”, и клеймит их, как таковых, исходя как будто из религиозных оснований» [Там же]. В этом Арсеньев усматривает две коренные ошибки. Во-первых, он считает недопустимым характеризовать всех представителей русского национального движения только словами: «правые монархисты». А во-вторых, он не соглашается с Бердяевым в том, что главная опасность «правого движения» в игнорировании иерархии ценностей, что оно готово из царя и из родины сделать себе кумира. Правда далее Арсеньев не приводит доказательств, что этого отнюдь нет. И даже допускает наличие такой опасности. А вместо этого пеняет на других: «Разве демократы и республиканцы застрахованы от делания себе кумира?» [Там же, с. 728]. Арсеньев обвиняет редактора журнала в нарушении заповеди любви, ибо он «осуждает не аберрацию мнения, а производит суд над человеческими личностями» (как доказательство: жестокие и страстные нападки Бердяева не только на книгу И. А. Ильина, но и на сам его духовный облик). «Пророк должен иметь любовь», – заключает Арсеньев, признавая пророческий дар у Бердяева. В пример он приводит А. С. Хомякова, который мог «сурово и даже беспощадно бичевать пороки своей родины», исходя при этом из просветленной пророческой любви. При всей полемичности данной статьи в заключительных словах ее автор одновременно высказывает и восхищение, и сожаление относительно своего современника: «Н. А. Бердяев, писатель, глубоко согретый духом христианской свободы, глубокий христианский мыслитель, сам – одна из крупных ценностей современной нашей философской литературы, от которого мы ожидаем еще многих ценных плодов его творчества, – забывает, однако, об одном, и при том самом основном и самом важном: лишь глазам любви, которая проникает вглубь, раскрывается истинная духовная сущность людей и явлений» [Там же].

В этом же номере журнала Бердяев отвечает Арсеньеву в своем «Дневнике философа». Он недоумевает, почему оппонент интерпретирует его взгляды совсем не так, как их представляет он сам: «Прежде всего непонятно, откуда заключил Н. С. Арсеньев, что я склонен отметать тех, которые “захвачены веяниями внутреннего духовного возрождения”, и отождествлять “русское национальное движение” с “правыми монархистами”» [Там же, с. 733]. Далее он вообще восклицает: «Не дай Бог отождествить наше национальное и духовное

возрождение с правыми монархистами в эмиграции!» [Там же]. Бердяев пишет, что очень любит рыцарство, но никак не может открыть его черты в правомонархическом течении. Это течение изжило себя, оно может быть отнесено лишь к старой истории. Оно вульгарно по своему духовному складу. Ему присущ «тупой консерватизм». Уже нечего консервировать, нужно творить, созидать. Крайние правые монархисты используют безнравственные средства борьбы, ложь, клевету, злобность, что никак нельзя признать рыцарскими чертами. Они находятся вне тех процессов, которые происходят в России, не желают их знать и понимать. В этой среде распространена реакция обскурантизма, и с ним, а особенно с обскурантским пониманием православия, Бердяев ведет непримиримую войну. Основное разногласие с Н. С. Арсеньевым автор «Дневника философа» видит в следующем. Его сентиментальное, романтическое отношение к белому движению свидетельствует, по мнению Бердяева, о том, что он все еще пребывает в периоде Гражданской войны, идеализирует военную психологию этого периода и верит в то, что большевизм может быть побежден на этих путях. Отвергая это, редактор журнала решительно заявляет: «Пора уже с национально-патриотической точки зрения признать, что, если бы не была организована и укреплена красная армия, то Россия распалась бы окончательно и была бы разобрана иностранными державами» [Там же, с. 734]. Нет уже войны белых с красными, а потому вредно и губительно культивировать те эмоции, которые были естественными в период Гражданской войны. Бердяев в пылу дискуссии бывает резок. Он приводит мнение французского психолога П. Жане о том, что потеря «функции реальности» приводит к душевному заболеванию, сумасшествию. Он практически, хотя и косвенно, называет своих оппонентов, страдающих сентиментальным романтизмом, сумасшедшими. В свою очередь, он утверждает и всячески проповедует здоровый и трезвый реализм. А это душевное заболевание предлагает лечить «приемами больших доз реальности». Из трезвой оценки пореволюционной жизненной эволюции, происходящей в России, необходимо сделать вывод, что борьбу с коммунизмом нужно вести, прежде всего, духовную. Эта борьба будет продолжаться и после исчезновения коммунистической власти, так как ее «отрава» еще долго останется в русском народе. Разве в этих словах не проявляется пророческий дар русского мыслителя?

Отдельно автор «Дневника философа» останавливается на вопросах, затронутых Арсеньевым в своей статье, касающихся сотворения кумиров, иерархии ценностей и любви. Созданием идолов грешат все направления: правые, левые, средние. Левые, не претендуя на веру в живого Бога, делают идолов из демократии и социализма. Но при этом они не используют Церковь как средство. А потому, по мнению Бердяева, более опасны правые, которые делают себе кумира из монархии, из государства, из национальности, извращая иерархию ценностей, но в то же время претендуют на веру в Христа и Церковь. Этим они готовят новое порабощение Церкви, в чем и видит большую опасность русский философ. Соглашаясь с утверждением Н. С. Арсеньева, что истина открывается лишь в любви, Бердяев задается вопросом: нужно ли любить те идеи и взгляды, которые несут в себе ложь, неправду и, более того, зло, для того чтобы их познать? Если утвердительно ответить на этот вопрос, то тогда автор «Дневника философа» требует от Арсеньева любви к большевизму как непременного условия его познания. В конце своего ответа Бердяев заключает, что Арсеньев не совсем понимает дух времени, в чем он и видит причину возникновения спора. Но все же признает положительное значение этого спора, так как он способствует выяснению вопросов.

Завершая статью, хотелось бы отметить следующее. Для оценки сегодняшней духовной ситуации в стране, несомненно, полезны мысли наших соотечественников-эмигрантов, «вернувшиеся» к нам в их работах. Они переживали за Россию. Их взгляд был устремлен в будущее, с верой в лучшее будущее. Однако их прочтение сегодня должно быть через призму современных реалий. Необходим трезвый анализ, а не слепое копирование.

Список источников

1. **Аверенкова Н. В., Пашинцев Е. В.** Царство Духа и Царство Кесаря (история России в контексте двух религиозных символов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77): в 2-х ч. Ч. 1. С. 13-15.
2. **Баргилевич О. А.** Культура в философии духовного опыта И. А. Ильина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 32-34.
3. **Бурханов Р. А.** Метафизика и антропология «сердца» и «сердечной любви» И. А. Ильина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 45-48.
4. **Гайденко П. П.** Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.
5. **Путь**: орган русской религиозной мысли. М.: Информ-Прогресс, 1992. Книга 1 (I-VI). 752 с.

RUSSIA'S DESTINY IN THE CONTEXT OF N. A. BERDYAEV'S POLEMICS WITH HIS CONTEMPORARIES IN THE PAGES OF THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL JOURNAL "PUT" ("WAY")

Isaev Andrei Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
andisaev@mail.ru

The article analyzes N. A. Berdyaev's discussion with his contemporaries on vital, burning issues concerning Russia's future. Special attention is paid to the role and place of monarchy in the history of the Russian state and its relations with the Orthodox Church. The paper touches on the problem of perception of Russian revolution and Bolshevism. The subjects of this discussion are still relevant.

Key words and phrases: monarchy; Bolshevism; Russian revolution; right-wing monarchists; Church; spirituality.